

I. Раннее творчество

То было время бдительных матерей, молчаливых отцов и упитанных старших братьев, но также и время повсеместного использования одеял, пледов и пончо. Поэтому никого не удивляло, что каждый день Карла и Гонсало проводили по два-три часа на диване, укрывшись великолепным красным пончо из овечьей шерсти, которое холодной зимой 1991 года казалось вещью первой необходимости.

Стратегическое использование пончо позволяло Карле и Гонсало тайком делать почти все, за исключением знаменитого, священного, пугающего и столь желанного «проникновения». А мать Карлы делала вид, будто этим вовсе не озабочена, и единственное, чем периодически интересовалась с едва уловимым сарказмом, чтобы поколебать их самоуверенность, — не жарко ли им там, под толстым пончо. Но они дружно, хоть и нерешительно, отвечали тоном бездарных актеров-студентов, — вовсе нет, тут холодно, как в пещере.

Мать Карлы исчезала в коридоре и, уединившись в своей комнате, погружалась в «мыльную оперу», которую смотрела с выключенным звуком — ей вполне хватало громкости телевизора в гостиной, ведь Карла и Гонсало тоже смотрели сериал, который не слишком-то их интересовал. Однако негласные правила игры подразумевали: они должны следить за действием фильма, дабы

реагировать впопад на замечания матушки, которая через неравные промежутки времени и не слишком часто навевалась в гостиную поправить цветы в вазе, или сложить салфетки, или сделать что-то еще, вряд ли требующее срочного вмешательства. Порой она искоса поглядывала в сторону дивана, не столько наблюдая за ними, сколько для того, чтобы они понимали: она может их застукать. Мать роняла фразы типа «она, бедненькая, так искала его» или «этот тип почти рехнулся». И тогда испуганные Карла и Гонсало, будучи почти нагишом, дуэтом отвечали «понятное дело» или «видно, она в него втрескалась».

Внушающий страх старший брат Карлы, который не играл в регби, но благодаря своему росту и манерам вполне мог бы войти в национальную сборную по этому виду спорта, обычно возвращался домой после полуночи. Случалось, иногда он являлся и раньше, но тогда запирался в своей комнате, чтобы поиграть в Double Dragon. Впрочем, и в этом случае сохранялся риск, что брат спустится вниз за бутербродом с колбасой или за стаканом колы. К счастью, в таких случаях Карле и Гонсало чудесным образом помогала лестница, особенно вторая, предпоследняя ступенька. С момента, когда они слышали громкий скрип, до появления старшего брата в гостиной проходило шесть секунд — вполне достаточно, чтобы расположиться под пончо так, словно они два невинных незнакомца, спасающихся от холода благодаря внезапному проявлению взаимопомощи.

Каждый раз футуристическая музыкальная заставка программы новостей оповещала о завершении очередного дня. И следом парочка страстно прощалась во дворике, что иногда совпадало с прибытием отца Карлы, который включал дальний свет и газовал двигателем своей «Тойоты» вместо приветствия или угрозы.

Когда он бывал в настроении, то добавлял, удивленно подняв брови:

— Ваше жениховство что-то затянулось.

Поездка по маршруту с улицы Ла-Рейна до площади Майпú занимала более часа, который Гонсало посвящал чтению, хотя слабый свет плафонов в автобусе затруднял это занятие, и потому иногда приходилось довольствоваться беглым взглядом на стихотворение, воспользовавшись остановкой в каком-нибудь освещенном месте улицы. Каждую ночь родители ругали его за слишком позднее возвращение домой, и всякий раз Гонсало божился, во все не собираясь сдержать слово, что отныне будет приходить пораньше. Засыпая, он думал о Карле, а когда не мог уснуть, как случалось нередко, мастурбировал с мыслью о ней.

Как известно, заниматься этим, думая о любимом человеке, — самое надежное испытание на верность. Особенно если самоудовлетворение, как утверждает киношная реклама, строго основано на реальных образах, а отнюдь не на фантазии. Гонсало воображал, что они сидят все на том же диване, накрывшись привычным шерстяным пончо; единственная деталь вымысла — они там только вдвоем; он входит в нее, и она его обнимает, смущенно закрыв глаза.

Хотя система материнского надзора казалась непреодолимой, Карла и Гонсало надеялись, что желанный момент все-таки представится. Что и случилось ближе к концу весны, как раз тогда, когда дурацкая жара грозила помешать задуманному. Визг тормозов и вопли, слившиеся в хор, нарушили в восемь часов тишину вечера: на углу улицы автомобиль сбил человека, поэтому «надсмотрщица» выбежала из дома к месту происшествия. И Карла с Гонсало поняли: вот он, желанный миг. С учетом тридца-

ти секунд, что длилось «проникновение», и трех с половиной минут, затраченных на оттирание небольшого пятна крови и осмысление только что полученного обескураживающего опыта, весь процесс занял менее четырех минут. После чего Карла и Гонсало как ни в чем не бывало пополнили толпу зевак, окружившую молодого блондина, который лежал на тротуаре рядом со своим помятым велосипедом.

Если бы юноша-блондин умер, а Карла забеременела, то речь пошла бы о небольшом перекосе в мире в пользу смуглых людей, ибо ребенок очень смуглой Карлы и еще более смуглого Гонсало вряд ли получился бы белокурым. Однако ничего такого не случилось: юноша-мормон стал хромым, а Карла — замкнутой и такой болезненной и грустной, что в течение двух недель отказывалась под смехотворными предложениями видаться с Гонсало. А когда все-таки встретилась, то лишь для того, чтобы «лицом к лицу» порвать с ним.

Впрочем, в оправдание Гонсало следует сказать: в те злополучные годы столь востребованная молодежью информация просачивалась скудно. Не было ни родительской помощи, ни советов педагогов или консультантов по вопросам соответствующего просвещения, как и поддержки со стороны правительства или чего-либо подобного, поскольку страна была слишком занята сохранением на плаву своей недавно восстановленной шаткой демократии. Где тут заниматься такими сложными проблемами развитых государств, как комплексная политика полового воспитания. Внезапно освободившись от диктатуры детства, пятнадцатилетние чилийские подростки каждый по-своему переживали вступление во взрослую жизнь, покуривая травку и слушая песни Сильвио Родригеса, музыку групп «Лос-Трес» и «Нирвана». И одновременно с этим пытались разобраться в одолевающих юные поколения всевозможных

страхах, разочарованиях, психических травмах и заблуждениях, причем почти всегда — опасным методом проб и ошибок.

Разумеется, тогда еще не было нынешних миллиардов видеороликов в Сети, пропагандирующих марафонскую идею секса. Хотя Гонсало и был знаком с такими изданиями, как журналы «Браво» и «Киркинчо», а иногда ему доводилось, скажем так, «читать» даже отдельные номера «Плейбоя» и «Пентхауса», он, тем не менее, не видел ни одного порнофильма. Поэтому у него отсутствовала аудиовизуальная основа для понимания, что с любой точки зрения его первое «выступление» оказалось провальным. А все представление о том, что должно происходить в постели, исчерпывалось репетициями под пончо, а также хвастливыми, путаными, выдуманскими рассказами немногих его одноклассников.

Удивленный и безутешный Гонсало делал все возможное, дабы вернуть себе Карлу. Однако доступны ему были только упорные телефонные звонки каждые полчаса да пустая трата времени на бесплодные уговоры парочки лживых посредниц, которые отнюдь не собирались ему помогать, считая его умным, упрямым и забавным, но по сравнению с бесчисленными поклонниками Карлы — никчемным чудаком и чужаком, забредшим с площади Майпу.

У Гонсало не осталось иного выбора, кроме как поставить на поэзию. Он заперся в своей комнате и всего за пять дней сочинил сорок два сонета, движимый, как великий поэт Пабло Неруда, надеждой создать столь необычайно убедительное произведение, что Карла уже не сможет отвергнуть его. Временами он забывал о своей печали; по меньшей мере на несколько минут верх одерживало интеллектуальное напряжение, вызванное исправлением хромящего стиха или подбором рифмы. Однако

радость, порожденная, как он считал, удачным художественным образом, немедленно сменялась горечью реальности.

К сожалению, ни в одном из сорока двух стихотворений не было подлинной поэзии. Например, вот такой отнюдь не запоминающийся сонет должен был, по мнению автора, войти в пятерку лучших — среди пяти наименее плохих — в созданной серии:

Докрасна телефон накалился
но вот он снова зелен и желт
я ищу тебя днем и ночью
но не застаю бредущую как зомби
в каком-нибудь торговом центре.

Я — коктейль без спиртного
я — заблудшая на дне кармана сигарета
я — как лампочка от фонаря.

Весь день трезвонит телефон
но вряд ли вызовет улыбку
он разрывает сердце и уши

а также зуб и даже бровь
сейчас весна зима иль лето
видно скоро умирать.

Единственный вероятный плюс этого стихотворения — попытка овладения классической формой, что для шестнадцатилетнего парнишки можно считать достойным похвалы. Последнее трехстишие, несомненно, худшая часть сонета, но в то же время и самая искренняя, ибо Гонсало действительно желал своей смерти. Негоже насмехаться над его чувствами; лучше посмеемся над произведением, над его посредственными рифмами, сентиментально-

стью, над его произвольной комичностью, но не сто́ит недооценивать страдание автора. Ведь оно было искренним.

Пока Гонсало боролся со слезами и непослушными строфами, Карла снова и снова слушала песню «Losing my Religion»¹ американской рок-группы R.E.M. — хит момента, который, по признанию девушки, прекрасно отражал ее душевное состояние, хотя она понимала по-английски лишь отдельные слова («жизнь», «ты», «я», «многое», «это»), а также название, которое связывала с понятием греха, как если бы песня на самом деле называлась «Потеря моей девственности». Хотя Карла училась в католической школе, ее страдания были не религиозными и не метафизическими, а чисто физическими, ибо пресловутое проникновение не только лишило ее символа целомудрия, но и оказалось очень болезненным. Знакомый ей пенис, который прежде игриво и мимолетно появлялся у нее во рту и который она каждый день довольно изобретательно массиовала, вдруг повел себя предательски, превратившись в подобие беспощадного сверла электрической дрели.

— Отныне никому и никогда не позволю мне «вставлять». Ни Гонсе, ни кому-то другому, — твердила она своим подружкам, ежедневно навещавшим Карлу отчасти против ее воли: она говорила всем подряд, что ей хочется побыть одной, но они все равно надоедали.

Подруги Карлы стихийно делились на многочисленную скучную ангелоподобную группу оставшихся девственницами и небольшую пеструю группку уже познавших мужчин. В свою очередь, ансамбль девственниц

¹ Здесь: «Я теряю терпение»; дословно — религию. (*Прим. перев.*)

делился на меньшинство, стремившееся сохранить себя таковыми до замужества, и на большинство тех, кто придерживался принципа «пока что мне нельзя», к которому короткое время принадлежала и Карла. А в группе не-девственниц особенно блистали две подружки Карлы, которых она иронично и восхищенно называла «левачками» — главным образом потому, что они были почти во всех смыслах более радикальными. Или, возможно, просто менее подавленными, чем остальные знакомые Карлы. (Одна из них даже настаивала на том, чтобы та отказалась от любимой песни в пользу «I Touch Myself»¹ группы Divinyls — еще одной популярной песни в то время, — поскольку эта, мол, лучше подходит к тогдашней ситуации, чем «Losing my Religion». На что Карла совершенно справедливо ответила: «Любимые песни не выбирают».)

Обдумав щедрые советы обеих сторон и особенно тщательно — мнение «левачек», Карла сделала вывод, что самое разумное — как можно скорее стереть из памяти свой первый сексуальный опыт, а для этого, по логике вещей, ей срочно требуется второй. И вот однажды в пятницу, после занятий в школе, она позвонила Гонсало и пригласила на свидание в центре города. Он почувствовал себя на вершине счастья и рванул к автобусной остановке, что делал крайне редко, считая, что в глазах прохожих выглядит нелепо, мчась по улице, да еще в длинных штанах. Ему пришлось добираться стоя, так как свободных мест в автобусе не было, но все же удалось перечитать значительную часть своих сорока двух стихотворений, которые он вез в рюкзаке.

Карла встретила его красноречивым шлепком и тут же объявила, что они снова вместе и сейчас же отправятся в мотель, от чего сама почти целый год отказывалась,

¹ «Я ласкаю себя». (Прим. перев.)

ссылаясь на свою порядочность, отсутствие денег, боязнь подцепить инфекцию или на все сразу. Зато теперь она за-
веряла его сладострастно и настойчиво, что сгорает от не-
терпения и умирает от желания.

— Мне сказали, что возле ярмарки ремесел есть один мотель, я купила тебе презервативы, и у меня есть день-
ги, — выпалила Карла, не переводя дух. — Пойдем туда!

Это была убогая лачуга, в которой запахи освежителя воздуха смешивались с вонью перегоревшего раститель-
ного масла, поскольку в номера можно было заказывать пирожки с сыром и с мясом, а также пиво, чилийскую водку и алкогольные коктейли, но от всего этого они от-
казались. Женщина с окрашенными в красный цвет во-
лосами и синими губами взяла у них деньги и, конечно, не потребовала показать ей удостоверения личности. За-
перев за собой дверь крошечной комнаты, Карла и Гон-
сало сбросили одежду и изумленно уставились друг на друга, словно только что увидели голых людей, что отча-
сти было истинной правдой. В течение почти пяти минут они ограничивались поцелуями, облизыванием и покусыванием друг друга, а потом Карла собственноручно натянула презерватив на фаллос Гонсало — в то утро она по-
тренировалась на кукурузном початке, — и Гонсало начал медленно проникать в нее, дорожа каждым моментом, поэтому все шло чудесно. Однако ощущения Карлы улуч-
шились незначительно: боль сохранялась (иногда она чувствовала ее даже острее, чем в первый раз), а про-
никновение длилось столько времени, сколько бегуну на стометровку требуется для преодоления половины этой дистанции.

Потом Гонсало приоткрыл жалюзи, чтобы взглянуть на людей, не спеша возвращающихся домой с работы, и их медлительность издалика показалась ему неестественной. Затем он опустил на колени перед кроватью и внимательно оглядел ноги Карлы. Прежде он никогда